

ДЖЕЙМС КОРИ

ПЕПЕЛ ВАЗИМЛЮЧА

JAMES S. A. COREY
BABYLON'S ASHES

Аннотация

Межзвездные порталы, которые должны были стать вратами в новое будущее человечества, на деле оказываются для него смертельной ловушкой. Едва Земля, Марс и другие планеты справились с атакой инопланетной протомолекулы, как в мирах Пояса началась революция, которая назревала не один десяток лет. Радикальная группа астеров, составляющих основу Свободного флота – нанесла огромный ущерб Земле и теперь ведет пиратскую войну против планет Солнечной системы. Отправляющиеся покорять новые миры колонисты, становятся для них легкой добычей, а хорошо вооруженных и мощных кораблей, способных их защитить, практически не осталось.

Джеймс Холден и его команда лучше других знают о сильных и слабых местах Свободного флота, и получают, казалось бы, невыполнимое задание – достичь станции Медина, расположенной в самом сердце колец-врат. Но тут раскрывается истинное намерение противника – человечество оказывается всего лишь игрушкой в войне межгалактических держав...

Джеймс Кори
ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

JAMES S. A. COREY
«BABYLON'S ASHES», 2016
(перевод с английского Галины Соловьёвой)

Содержание

[Аннотация](#)

[Пролог. НАМОНО](#)

[Глава 1. ПА](#)

[Глава 2. ФИЛИП](#)

[Глава 3. ХОЛДЕН](#)

[Глава 4. САЛИС](#)

[Глава 5. ПА](#)

[Глава 6. ХОЛДЕН](#)

[Глава 7. КЛАРИССА](#)

[Глава 8. ДОУЗ](#)

[Глава 9. ХОЛДЕН](#)

[Глава 10. АВАСАРАЛА](#)

[Глава 11. ПА](#)

[Глава 12. ХОЛДЕН](#)

[Глава 13. ПРАКС](#)

[Глава 14. ФИЛИП](#)

[Глава 15. ПА](#)

[Глава 16. АЛЕКС](#)

[Глава 17. ХОЛДЕН](#)

[Глава 18. ФИЛИП](#)

[Глава 19. ПА](#)

[Глава 20. НАОМИ](#)

[Глава 21. ЯКУЛЬСКИЙ](#)

[Глава 22. ХОЛДЕН](#)

[Глава 23. МИЧО ПА](#)

[Глава 24. ПРАКС](#)

[Глава 25. ФРЕД](#)

[Глава 26. ФИЛИП](#)

[Глава 27. БОББИ](#)

[Глава 28. ХОЛДЕН](#)

[Глава 29. АВАСАРАЛА](#)

[Глава 30. ФИЛИП](#)

[Глава 31. ПА](#)

[Глава 32. ВАНДЕРКОСТ](#)

[Глава 33. ХОЛДЕН](#)

[Глава 34. ДОУЗ](#)

[Глава 35. АМОС](#)

[Глава 36. ФИЛИП](#)

[Глава 37. АЛЕКС](#)

[Глава 38. АВАСАРАЛА](#)

[Глава 39. НАОМИ](#)

[Глава 40. ПРАКС](#)

[Глава 41. ПА](#)

[Глава 42. МАРКО](#)

[Глава 43. ХОЛДЕН](#)

[Глава 44. РОБЕРТС](#)

[Глава 45. БОББИ](#)

[Глава 46. ХОЛДЕН](#)

[Глава 47. ФИЛИП](#)

[Глава 48. ПА](#)

[Глава 49. НАОМИ](#)

[Глава 50. ХОЛДЕН](#)

[Глава 51. МАРКО](#)

[Глава 52. ПА](#)

[Глава 53. НАОМИ](#)

[Эпилог. АННА](#)

[БЛАГОДАРНОСТИ](#)

[Примечания](#)

*Мэтту, Хэлли и Кенн,
сделавшим всё возможное*

Пролог. НАМОНО

Через три месяца после падения метеоритов Намоно увидела в небе клочки синевы. Удар по Лагуату – первый из трех разбивших мир камней – взметнул в воздух большую часть Сахары, на много недель скрыв и Луну, и звезды. Даже багровое солнце с трудом пробивало мутные облака. Песок с пеплом сыпались на Великую Абуджу, скапливались барханами, перекрашивая город в желтовато-серый цвет – в тон небу. Еще разбирая с волонтерской командой обломки, занимаясь ранеными, Ноно поняла: раздирающий ей грудь кашель с черной мокротой – оттого, что надышалась смертью.

От кратера, оставшегося на месте прежнего Лагуата, Лабуджи отделяли три с половиной тысячи километров. Ударная волна повыбивала окна, обрушила часть зданий. Двести погибших, если верить новостям, и четыре тысячи раненых. Больницы переполнились. Если вы не на краю смерти, просим вас оставаться дома.

Электрическая сеть вскоре рухнула. Солнечным батареям не хватало освещения, а наполненный песком воздух разъедал ветряки – их не успевали очищать. Пока из Киншасы везли термоядерный реактор, город пятнадцать суток сидел без света, да и потом все, что было, направлялось на гидропонику, больницам и правительству, поэтому жить светлее не стало. Выйти в сеть с ручных терминалов удавалось не всюду, да и то ненадежно. Иногда они на сутки оставались без связи с миром. Следовало ожидать, твердила себе Намоно, – если бы такое вообще можно было предвидеть.

И все же через три месяца в огромном белье неба появился просвет. Красноватое солнце соскальзывало на запад, и на востоке засветились лунные города – самоцветы на синем поле. Да, грязноватая и клочковатая, но синева. Ноно утешалась, глядя в нее на ходу.

Международный квартал возник, по историческим меркам, недавно. Редкое здание насчитывало больше ста лет. Этот район запомнил любовь прошлого поколения к широким проездам между лабиринтами узких улочек и мягким изгибам квазиорганической архитектуры. Главным ориентиром оставался монолит Зума-рок. Пыль и пепел, засыпая скалу, не сумели ее изменить. Для Ноно здесь была родина. В

этом городе она росла, сюда, покончив с приключениями, перевезла свою маленькую семью.

Здесь надеялась на тихую жизнь.

Она зашлась в горьком кашле – потом просто откашлялась.

Вот и центр помощи пострадавшим: фургон на краю общественной парковки. На боку трилистник – эмблема гидропонной фермы. Не ООН и даже не городская администрация. Чрезвычайное положение сплющило слои бюрократии в тонкую лепешку. Спасибо и на том – не всюду найдешь даже такой фургон.

Пологий холм, поросший прежде травой, скрылся под коркой пыли и пепла. Тут и там змеились борозды и изломанные трещины – дети все равно пытались здесь играть, но сейчас никто не катался по склону. Люди собирались в очередь. Ноно тоже встала. У всех здесь были такие же пустые взгляды. Шок, истощение, голод. И жажда. В международном квартале проживало много норвежцев и вьетнамцев, но пепел и несчастье сбили всех, независимо от цвета кожи, в одно племя.

Борт фургона поехал вниз, очередь шевельнулась, предвкушая. Еще один недельный паек, пусть даже скудный. Дожидаясь своей очереди, Ноно со стыдом вспомнила, что никогда в жизни не нуждалась в базовом пособии. Она была из тех, кто заботится о других, а не из нуждающихся в поддержке. Но вот теперь и ей понадобилась помощь.

Она дошла до фургона. Человека, протянувшего ей пакет, она уже видела. Круглолицый, с черными веснушками на смуглой коже. Он спросил адрес, она назвала. После мимолетной заминки он с четкостью автомата протянул ей белый пластиковый пакет. Ноно взяла. Ужасно легкий. Раздатчик взглянул ей в глаза, только заметив, что женщина не отходит.

– У меня жена, – сказала Намоно. – И дочь.

В его глазах вспыхнула ярость, жесткая, как пощечина.

– Если они могут ускорить рост ячменя или создать рис из ничего, присылайте их к нам. Если нет... вы нас задерживаете!

Глаза у нее защипало от слез.

– По одному на дом, – отрезал раздатчик. – Проходите.

– Но...

– Проходи! – рявкнул он, щелкнув пальцами. – Люди ждут!

Ноно отошла, слыша за спиной непристойные ругательства. Слезы уже высохли – можно не утирать. Вот только глаза щиплют.

Зажав пакет под мышкой, она дождалась, пока прояснится зрение, и пошла к дому. Задерживаться нельзя – есть другие, более отчаявшиеся или менее принципиальные, чем она: они поджидают неосторожных за углами

и в подворотнях в надежде раздобыть фильтры для воды и пропитание. Надо идти твердым шагом, чтобы не сочли за добычу. Несколько кварталов она занимала изголодавшийся, измученный ум фантазиями о схватке с ворами. Как будто катарсис насилия сулил ей мир.

Уходя, она обещала Анне зайти на обратном пути к старому Джино, проверить, добрал ли старик до машины с помощью. Но, добравшись до нужного поворота, она не стала заворачивать. Усталость уже высасывала мозг из костей, и ей страшно было подумать: возвращаться в очередь, подпирая собой старика. Скажет, что забыла. Это будет почти правдой.

На повороте с широкого бульвара в свой тупичок она заметила, что фантазии в голове сменились. Теперь под ее ударами молил о пощаде не вор, а конопатый раздатчик помощи. «Если они ускорят рост ячменя...» Это как понимать? Шуточка насчет использования тел вместо удобрений? Он посмел угрожать ее семье? Да кем он себя воображает?

«Нет, – явственно, как будто Анна была рядом, ответил ей внутренний голос. – Нет, он злился, потому что хотел бы помочь, да не мог. Сознание, что всех твоих усилий мало, – само по себе груз. Только и всего. Прости его».

Намоно понимала, что надо бы, но не простила.

Домик у них был маленьким. Полдюжины комнат, стиснутых, как влажный песок в детском кулачке. Ни прямых линий, ни прямых углов. От этого жилье скорее походило на грот или пещеру, чем на построенное человеком здание. Перед дверью Ноно замешкалась, приводя в порядок мысли. Солнце садилось за Зума-рок, в наполненном песком и дымом воздухе вычерчивались широкие лучи. Как будто утес обзавелся нимбом. И точка света в темнеющем небе. Венера. Сегодня в небе, может быть, загорятся звезды. Она уцепилась

за эту мысль, как за спасательный плотик в море. Может быть, будут звезды.

В доме было чисто. Коврики вытряхнуты, кирпичный пол подметен. И пахнет сиренью – кто-то из прихожанок Анны принес благовония. Намоно смахнула последнюю слезу. Можно сделать вид, что глаза покраснели от уличной пыли. Если ей и не поверят, так тоже сделают вид.

– Алло! – позвала она. – Есть кто дома?

В дальней спальне взвизгнула Нами, зашлепала босыми ногами по брускам, пулей вылетела к двери. Ее малышка стала не так уж мала. Она теперь доставала макушкой Ноно до подмышки, а Анне до плеча. Ребяческая пухлость ушла, уже подавала голос жеребьячья красота подростка. Кожа чуть светлей, чем у Ноно, густые тугие кудряшки, но улыбка – русская.

– Вернулась!

– Как же не вернуться, – отозвалась Ноно.

– Что нам дали?

Намоно отдала дочке белый пакет. Заговорщицки улыбнулась, склонившись к ее лицу.

– Может, ты посмотришь и расскажешь мне?

Нами в ответ ухмыльнулась и поскакала в кухню так, будто ей вручили не восстановители для воды и быстрорастущий ячмень, а бриллианты. В ее не совсем наигранном восторге, кроме искренней радости, было и желание уверить матерей, что с ней все хорошо, что о ней можно не волноваться. Сколько силы – не только ей – дает стремление защитить другого. Ноно не знала, хорошо это или плохо.

В спальне лежала на подушках Анна. Пухлый том Толстого пристроился рядом. Корешок изломан – не раз перечитывался. «Война и мир». Анна тускло бледна, лицо осунулось. Ноно осторожно присела рядом, опустила ладонь на голую кожу на правом бедре жены, над разбитым коленом. Кожа уже не обжигала и не натягивалась, как барабан. Хороший знак.

– Сегодня в небе были просветы, – рассказала ей Ноно. – Ночью могут показаться звезды.

Анна улыбнулась своей русской улыбкой – той самой, что с ее генами передалась Нами.

– Вот и хорошо. Перемена к лучшему.

– Видит бог, есть куда меняться, – отозвалась Намоно и, еще не договорив, пожалела, что не сдержала горечи. Чтобы смягчить сказанное, взяла Анну за руку. – И ты лучше выглядишь.

– Сегодня жара нет, – согласилась Анна.

– Совсем?

– Ну, немножко.

– Много было гостей? – скрывая недовольство, спросила Ноно. Прихожане устроили вокруг раненой Анны большую суету, несли знаки внимания, наперебой предлагали помощь, не давая больной отдохнуть. Намоно позволяла себе вмешаться и отослать их. Она подозревала, что Анна это допустила больше за тем, чтобы паства не отдавала ей последние припасы.

– Амири заходил, – сказала Анна.

– Да что ты? И чего же хотел мой кузен?

– Завтра у нас молитвенное собрание. Всего около дюжины человек. Нами помогла прибрать для них гостиную. Я знаю, надо было тебя спросить, но...

Анна кивнула на распухшую, как тесто, ногу, словно самым страшным, что с ней случилось, стала неспособность стоять за кафедрой. Может, так оно и было.

– Если ты уже в состоянии, – кивнула Намоно.

– Извини.

– Извиняю. Опять. Всегда.

– Ты добра ко мне, Ноно. – И, тихо, чтобы не услышала Нами: – Пока тебя не было, объявляли тревогу.

Намоно похолодела.

– Куда ударит?

– Не ударит. Перехватили. Но...

Молчание договорило за них. Еще один. Еще один камень, швырнутый в гравитационный колодец, в хрупкие останки земли.

– Я Нами не сказала, – призналась Анна так, словно считала за грех защитить ребенка от страха.

– Это ничего, – ответила Намоно. – Если надо будет, я скажу.

– Как Джино?

«Забыла» – уже подступило к горлу, но Намоно не сумела

выговорить лжи. Себе она могла солгать, но не в чистые глаза Анны.

– Сейчас схожу к нему.

– Это важно, – сказала Анна.

– Понимаю. Просто я так устала.

– Потому-то это и важно. Катастрофа заставляет нас сплотиться. В критический момент это выходит легко, естественно. А когда все затягивается, приходится делать над собой усилие. Надо, чтобы все знали: мы вместе.

Пока не прилетел еще один камень, который флот не успеет перехватить. Или не откажут восстановители. Или не случится одна из тысячи бед, каждая из которых означает смерть. Но для Анны и это не беда. Лишь бы все были хорошими и добрыми друг к другу. Пока они бережно ведут друг друга к могиле, Анна считает, что следует своему призванию. Может быть, она права.

– Конечно, – сказала Намоно. – Просто хотела сперва занести домой помощь.

Она едва успела договорить, как в комнату ворвалась Нами: в каждой руке по восстановителю.

– Смотрите! Еще одна прекрасная неделя на очищенной моче и грязной дождевой воде! – возвестила она с усмешкой, и Намоно в миллионный раз подумала, какой идеальной копией своих матерей растет их дочь.

Кроме восстановителей, в пакете были зерновые брикеты быстрого приготовления, пакетики, на которых по-китайски и на хинди значилось «кур-строганов», и горсть таблеток. Витамины на всех. Болеутоляющее для Анны. Уже кое-что.

Намоно посидела, держа жену за руку, пока веки у Анны не опустились, щеки не обмякли, предвещая сон. За окном остатки закатного багрянца сменились серыми сумерками. Анна немного расслабилась, плечи опустились, разгладились складки на лбу. Анна не жаловалась, но ей, кроме общего страха, приходилось выносить боль и беспомощность калеки. Приятно увидеть, как все это отступает хоть ненадолго. Анна всегда была недурна собой, но во сне становилась красавицей.

Дождавшись, пока жена глубоко, ровно задышала, Намоно встала. У самой двери ее догнал хрипловатый со сна голос Анны:

– Не забудь про Джино.

– Как раз к нему иду, – тихо отозвалась Ноно, и дыхание Анны снова вернулось к ритму сна.

– А можно мне с тобой? – спросила ее на выходе Нами. – Терминалы опять отключились, делать нечего.

На язык просились: «Там слишком опасно» и «Ты можешь понадобиться маме», – но в глазах дочери была такая надежда...

– Да, только обуйся.

Дорога к Джино стала танцем среди теней. К солнечным батареям пробилось достаточно солнца, чтобы половина домов тускло осветилась изнутри. Немногим ярче, чем от свечей, но светлее, чем раньше. Впрочем, сам город остался темным. Ни фонарей, ни огней небоскребов, и всего несколько ярких точек экогорода на юге.

Вдруг ярко, с силой вспомнилось, как Намоно, не старше, чем теперь ее дочь, в первый раз летела на Луну. Сверкание звезд, ошеломительная красота Млечного Пути. Сейчас даже сквозь пыль над головами виднелось больше звезд, чем пробивалось прежде сквозь городскую засветку. Сияла Луна – серебряный полумесяц, обнимающий темное поле с золотой филигранью. Намоно взяла дочь за руку.

Пальцы Нами стали толще, тверже, чем раньше. Девочка росла. Уже не малютка. Сколько они строили планов на ее студенчество, на совместные путешествия! Все теперь рассыпалось. Мир, в котором они собирались растить дочь, пропал. Намоно подумала об этом виновато, будто могла предотвратить то, что случилось. Как будто это ее вина.

В сгущающейся темноте слышались голоса, но не так много, как бывало. Прежде этот район кипел ночной жизнью. Пабы, уличные артисты, недавно вошедшая в моду жесткая, гроыхающая музыка – словно кто-то рассыпал по улице кирпичи. Теперь люди ложились спать с темнотой и вставали с первым светом. Откуда-то пахло едой. Странное дело: даже ячменная каша может стать приметой уюта. Она надеялась, что старый Джино добрался до фургона или что за ним зашел кто-то из прихожан Анны. Иначе Анна добьется, чтобы ему отдали часть их пайка, и Намоно уступит.

Но этого еще не случилось. Нечего кликать беду, пока она не

пришла. И без того у порога толпа бед. Пока они дошагали до поворота к старому Джино, в небе погасли последние отблески заката. Зума-рок виделась теперь тысячеметровой темной массой в темном небе. Словно земля бессильно грозила небу кулаком.

– Ох, – на вдохе вымолвила Нами. – Ты видела?

– Что видела? – спросила Намоно.

– Падучая звезда. Смотри, еще одна!

Да, среди неподвижных, только мерцающих звезд мелькнула полоска света. И еще одна. Пока они стояли рука в руке, по небу скатилось еще полдюжины. Она едва сдержала себя, чтобы не броситься назад, не затолкать дочь в подворотню, прикрывая собой. Объявляли тревогу, но флот ООН успел перехватить удар. Эти вспышки в верхн их слоях атмосферы – может быть, даже не его осколки. Или осколки.

Так или иначе, падучие звезды когда-то были красивыми. Невинными. Больше не будут. Для нее – не будут. И ни для кого на Земле. Каждая огненная полоска нашептывает о смерти. Говорит яснее ясного: «Всему может придти конец, и ты тут ничего не изменишь». Еще одна яркая, как огонек горелки, полоска безмолвно расцвела огненным шариком величиной с ноготь.

– Эта была большая, – сказала Нами.

«Нет, – подумала Намоно. – Нет, эта не большая».

Глава 1. ПА

– На хрен, права не имеете! – в который раз проорал хозяин «Хорнблауэра». – Мы свое заработали – оно наше!

– Мы это уже обсуждали, сэр, – отвечала ему капитан «Коннахта» Мичо Па. – Ваш корабль с грузом задержан согласно приказу Свободного флота.

– Плевать мне на ваших голодающих! Если астерам нужны продукты, пусть покупают. А что мое, то мое. – Нужны. Если бы вы подчинились приказу... – Вы нас расстреляли! Отбили дюзы!

– Вы пытались уйти. Ваши пассажиры и команда...

– Свободный флот, раздери мою задницу. Воры!

Пираты!

Стоявший слева Эванс – ее старпом и последнее пополнение семьи – крикнул, словно от удара. Мичо покосилась на него и наткнулась на взгляд голубых глаз. Эванс ухмылялся, сверкал белыми зубами на смазливой физиономии. Парень был хорош собой и знал об этом. Мичо приглушила микрофон, пропуская мимо ушей поток сквернословия с «Хорнблауэра», и кивнула ему: «Ну, что тебе?»

Эванс ткнул пальцем в сторону панели.

– Как сердит... задели беднягу койо, теперь не остановишь.

– Серьезней, – одернула Мичо, не сдержав, впрочем, улыбки.

– Я серьезно. Фраже бист.

– Это ты-то нежный?

– В душе. – Эванс прижал ладонь к скульптурной груди. – Ребенок, ми.

В динамике владелец «Хорнблауэра» накручивал себя до пены на губах. Его послушать, Па и грабительница, и шлюха, и плевать ей, чьи там дети мрут с голоду, лишь бы ей платили. Будь она его дочь – убил бы, чтоб не порочила честь семьи. Эванс ухмылялся.

Мичо, как ни крепилась, рассмеялась в ответ.

– Ты знаешь, что, когда флиртуешь, у тебя акцент заметней?

– Да-да, – закивал Эванс. – Я – сложная смесь любви и порока. Но ты все же отвлекись от него. Теряешь терпение.

– Пока еще не потеряла. – Она оживила микрофон. – Сэр... Сэр! Давайте сойдемся на том, что я из тех пиратов, которые готовы

запереть вас до Каллисто в собственной каюте, а не вышвырнуть в пустоту. Устраивает?

После короткой ошеломленной паузы по рации хлынул поток бессвязной ярости, завершившийся чем-то вроде: «Только попробуй, я твою астерскую кровь выпью насухо!» Мичо подняла три пальца. Оксана Буш махнула в ответ с противоположного конца рубки и застучала по оружейной панели.

«Коннахт» от рождения не был астерским кораблем. Его строили для флота Марсианской Республики и снабдили разнообразным набором военных и технических систем. Семья чуть не год разбиралась с ними, поначалу проводя учения в тайне. И только когда пришел срок, вступили в дело. Теперь Мичо на своем мониторе наблюдала, как «Коннахт» опознал и пометил на дрейфующем грузовике шесть точек, чтобы вскрыть корпус точно направленными снарядами ОТО. Включились прицельные лазеры, запятнали «Хорнблауэр». Мичо выжидала. Эванс улыбался уже не так уверенно. Он не готов был убивать гражданских. По чести сказать, Мичо бы тоже не хотелось, но она не пропустит «Хорнблауэр» за кольцо, к будущей колонии на чужой планете. Переговоры велись только об условиях сдачи.

– Стрелять, боссманг? – спросила Буш.

– Пока не надо, – ответила Мичо. – Следи за двигателем. Если включают зажигание – тогда.

– Если они вздумают уйти на отбитой дюзе, сэкономим боеприпас, – с издевкой процедила Буш.

– От их груза люди зависят.

– Мне что, – проговорила Буш. И, помедлив, добавила: – Пока они холодные.

Рация щелкнула, отплюнулась. С того корабля кто-то орал – но не на Мичо. Затем раздался другой голос, к нему присоединились, перебивая, еще несколько. Прогремли выстрелы. Пройдя через рацию, звуки боя становились слабыми и безобидными.

Вот и новый голос:

– «Коннахт», вы здесь?

– Еще здесь, – отозвалась Мичо. – Прошу назваться.

– Я Серджио Плант, — сообщил голос, — исполняющий обязанности капитана «Хорнблауэра». Готов сдать.

Только чтобы никто не пострадал, договорились?

Эванс улыбнулся, давая выход торжеству и облегчению.

– Бессе вас слышать, капитан Планта, – ответила Мичо. – Принимаю ваши условия. Приготовьтесь принять абордажную команду.

Она отрубилась связь.

* * *

Мичо полагала, что история – это цепь неожиданностей, которые задним числом представляются неизбежными. Это касалось как планет, народов и гигантских корпораций-государств, так и судеб маленьких людей. Что наверху, то и внизу. Что с АВП, Землей и Марсианской Республикой Конгресса, то и с Оксаной Буш, Эвансом Гарнером-Чой и Мичо Па. И, если на то пошло, с каждой живой душой на «Коннахте» и его братьях. Только для нее, занимающей это место, отдающей эти приказы, отвечающей за то, чтобы каждый член команды был жив, здоров и на той стороне, где надо, что-то значили маленькие личные истории мужчин и женщин на борту.

Для самой Па первой неожиданностью стало участие в военных действиях Пояса. В юности она готовилась стать инженером-системщиком или администратором на одной из больших станций. Может быть, так бы и вышло, люби она математику больше, чем любила. Мичо подала документы в верхний университет, потому что считала, что ей туда, и провалилась, потому что там был жуткий конкурс. Получив от консультанта сообщение об отказе, Мичо была потрясена. Задним числом стало ясно, что этого следовало ожидать. Исторический взгляд видит яснее.

АВП, вот этому его подразделению, она больше подходила. В первые же месяцы разобралась, что Альянс Внешних Планет – не столько объединенное революционное правительство, сколько торговая марка, созданная астерами в рассуждении, что что-нибудь в этом роде им следует завести. Группа Вольтера называла себя АВП, и обосновавшиеся на станции Тихо люди Фреда Джонсона – тоже, и Андерсон Доуз, правивший Церерой под знаком рассеченного круга, и Зиг Очоа, противостоявший ему под той же эмблемой.

Мичо много лет лепила из себя военного человека, в глубине души сознавая, что подчинение – не ее стезя.

Было время, когда наличие высшего командования внушало ей чувство опоры – уверенность в собственной власти над подчиненными и власти начальства над ней. Это и возвысило Па до поста старпома на «Бегемоте». И привело в медленную зону, когда человечество, пройдя сквозь врата, стало наследником тринадцати сотен планет. И убило ее любовницу Сэм Розенберг. После чего Мичо отчасти утратила веру в высокое начальство.

Опять же, задним числом все видится яснее.

Что до второй неожиданности, Мичо не сумела бы ее точно назвать. Групповой брак, или вербовка Марко Инаросом, или ее новый корабль и революционное задание Свободного флота. Жизни людские извилистее рудных жил, и не всякий поворот очевиден даже задним числом.

* * *

– Абордажная команда готова, – доложил Кармонди. Микрофон скафандра срезал с голоса интонации. – Взламывать?

Кармонди как глава десантной команды, строго говоря, не подчинялся Мичо, но относился к ней с почтением с первой минуты на борту. Он несколько лет прожил на Марсе, не состоял в множественном браке, образовавшем ядро команды «Коннахта», и был в достаточной степени профессионалом, чтобы смириться с положением постороннего. Этим он ей нравился, даже если в остальном – не слишком.

– Дай им возможность проявить гостеприимство, – отозвалась Мичо. – Если начнут стрелять, действуй по обстановке.

– Ясно. – Кармонди переключился на другой канал.

Теперь оба корабля зависли в невесомости, так что нельзя было откинуться на спинку амортизатора. А если бы могла, она бы откинулась.

Когда стало известно, что Свободный флот берет власть над системой и закрывает движение через кольцоврата, флот колонистских кораблей, гнавший к новым мирам, оказался перед выбором: остановиться и сдать груз для распределения по наиболее нуждающимся станциям и кораблям – и сохранить свой корабль. Или бежать с риском и корабля лишиться.

«Хорнблауэр» и многие кроме него рассчитали, что рискнуть стоит. Заглушив опознавательный сигнал, они раскручивали корабль и гнали как черти – но недолго. Разгон – поворот, разгон – поворот, разгон...

Это называлось «хотару». Короткая вспышка и уход в темноту в надежде, что огромный космос укроет их на время, пока политика не переменится. Припасов и продовольствия на таких кораблях хватило бы на много лет целой колонии. И если их не засекали в первый момент, потом искать беглецов можно было не одно поколение.

Дюзовый выхлоп «Хорнблауэра» следящие станции засекали сразу с Ганимеда и с Титана. Самое мерзкое для Мичо было уходить при погоне из плоскости эклиптики. Бо льшая часть гелиосферы Солнца распространяется выше и ниже тонкого диска, в котором вращаются по орбитам планеты и астероиды. Мичо питала к этим областям пространства суеверную неприязнь, видя в великой пустоте угрозу, с двух сторон теснящую человеческую цивилизацию.

Пусть кольцо и нереальное пространство за ним более чужды человеку – а это действительно так, – но страх перед выходом из эклиптики рос в ней с детства. Он стал ее личным мифом и предвещал неудачу.

Мичо настроила монитор на изображение с камер абордажной команды и подключила тихую музыку. «Хорнблауэр» показывался теперь под двадцатью разными углами, а пальцы, перебиравшие струны арф и стучащие по коже барабанов, пытались ее успокоить. В шлюзе, широко раскинув руки, стоял темнокожий землянин. Полдюжины камер нацелились на него, в поле зрения попадали и стволы личного оружия. Остальные ловили движение на корпусе или вне корабля. Землянин поднял руки, развернулся, придерживаясь за скобу, и завел руки назад, подставив под затяжные «хомуты» наручников. Мичо показалось, что капитан Плант – если это был он – проделывает такое не в первый раз. Уже попадал под арест?

Абордажная команда вошла внутрь, взгляды и внимание переключились на коридоры. Шли группами: движение на каждом экране отмечалось на высветившейся рядом карте. Показался камбуз, где рядами плавала команда «Коннахта» – руки простерты вперед в готовности принять свою судьбу. Картинки с камер шли мелкие, чтобы уместиться на ее мониторе, но даже в таком размере видны были слезы

на лицах пленников. Маски горя, вылепленные поверхностным натяжением из соленого раствора.

– Ничего с ними не случится, – подал голос Эванс. – Са? Такая у тебя работа, да?

– Знаю, – процедила Мичо, не отрываясь от экрана.

Абордажная команда переходила с палубы на палубу, отключая управление. Отменная координация – словно единый двадцатиглазый организм. Сказываются профессионализм и муштра. Жилая палуба выглядела запущенной. Оставленные на плаву ручные терминалы и питьевые груши присосало к воздуховодам. Бездействующие при отсутствии ускорения амортизаторы торчали под разными углами. Мичо вспомнились старинные видео земных кораблекрушений. Корабль колонистов затонул в бесконечном вакууме.

Она не сомневалась, что Кармонди, прежде чем действовать, вызовет ее, и сделала музыку совсем тихой.

Запрос на связь возвестил о себе деликатным звяканьем. – Корабль под контролем, капитан, – доложил Кармонди. Двое из его людей смотрели на командира, так что Мичо видела движение губ и подбородка с двух точек зрения и одновременно слышала. – Сопrotивления не оказывали. Никаких проблем.

– Буш, доложите! – окликнула Мичо.

– Их защиту сняла, – отозвалась Оксана. – Тода и аллес.

Мичо кивнула – скорее себе, чем Кармонди.

– «Коннахт» контролирует системы вражеского корабля.

– Мы устанавливаем периметр и запираем пленных. Запускаю автоматическую проверку.

– Понятно. – Мичо повернулась к Эвансу. – Давай-ка отойдем подальше, чтобы не задело взрывом, если в зерновом отсеке спрятана ядрена бомба.

– Исполняю, – ответил Эванс.

Движение на маневровых едва натянуло ремни – меньше десятой g и всего несколько секунд. Отбирать то, что кто-то считает своим по праву, – опасная работа. «Коннахт», конечно, проследит за абордажниками, будет держать чуткие пальцы на пульсе. Кроме того, каждые полчаса Кармонди станет отзваниваться по протоколу. Стоит ему пропустить сигнал, Мичо превратит «Хорнблауэр» в облачко

нагретого газа – в поучение следующим кораблям. А нескольким тысячам обитателей Каллисто, Ио и Европы останется надежда на другие корабли Свободного флота.

Пояс наконец сбросил иго внутренних планет. Поясу принадлежала станция Медина в сердце врат и единственный действующий в Солнечной системе флот, им принадлежала благодарность миллионов астеров. В историческом масштабе это была величайшая победа свободы и независимости. В местном масштабе они сейчас спасали победителей от голодной смерти.

В ближайшие двое суток команда Кармонди будет удерживать несостоявшихся колонистов на запертых палубах, а корабль предстоит перегнать на стабильную орбиту у Юпитера. Потом произвести полную инвентаризацию добычи. После этого еще неделю придется дожидаться установки транспортировочных двигателей. Все это время «Коннахт» останется сторожем и тюремщиком, а Мичо нечего будет делать, как высматривать в темноте новых беглецов.

Ее это не радовало, как не радовало и ее многочисленных супругов и супругов. Все же в голосе Оксаны прозвучало что-то большее, чем предчувствие неизбежной скуки.

– Боссманг, принято подтверждение Цереры.

– Хорошо. – Мичо переменной тона дала понять, что она услышала и невысказанное. Оксана Буш была ее женой с тех пор, как собралась их семейная группа. Они хорошо изучили друг друга.

– И еще кое-что. Сам передает.

– Чего хочет Доуз? – спросила Мичо.

– Не Доуз. Сам большой.

– Инарос? – удивилась Мичо. – Прокрути.

– С пометкой: «Только для капитана», – предупредила Оксана. – Могу перекачать тебе в каюту или на терминал, если...

– Прокрути, Оксана.

На мониторе появился Марко Инарос. Судя по тому, как лежали волосы, он находился на Церере или шел под ускорением. Фона за спиной не видно, не определишь, на корабле он или в кабинете. Обаятельная улыбка отражалась в теплом взгляде темных глаз. Почувствовав, как зачастил пульс, Мичо уверила себя, что это ужас, а не влечение. В основном так оно и было. Хотя в харизме поганцу не

откажешь.

– Капитан Па, – заговорил Марко. – Рад слышать, что

«Хорнблауэр» вы взяли чисто. Это еще одно доказательство ваших способностей. Мы не ошиблись, поручив вам командование этой операцией. Поскольку все прошло достаточно гладко, мы готовы перейти к следующей стадии.

Мичо оглянулась на Эванса и Оксану. Эванс теребил себе бороду. Оксана отвела взгляд.

– Ведите «Хорнблауэр» прямиком к Церере, – продолжал Марко. – А я тем временем собираю совещание. Строго для внутреннего круга. Вы и я, Доуз, Розенфелд и Санджрани. На Церере. – Он улыбнулся шире прежнего. – Теперь, когда система в наших руках, предстоят перемены, а? «Пелла» говорит, что вы доберетесь за две недели. Рад буду повидать вас лично.

Он четко отдал салют Свободного флота, который сам же и придумал. Экран погас. Мичо непросто было разобраться в нахлынувшей смеси недоумения, отчаяния и облегчения. Всегда не по себе, когда задание меняют так внезапно и без объяснений. А участие в совещаниях внутреннего круга до сих пор отдавало опасностью с тех времен, когда Свободный флот еще не заявил о себе. Когда годами держишься в тени, мысли и чувства меняются, и переступить их трудно даже после победы. Что ж, по крайней мере, они возвращаются в плоскость эклиптики, а не уходят в черную высоту, где происходит всякое зловещее. Нехорошее.

«Такое, – подсказал голосок в голове, – как внезапные вызовы на совещание».

– Две недели? – переспросила Мичо.

– Возможно, – едва отзвучал вопрос, отозвалась Буш. Она уже прогоняла полетный план. – Но на высокой тяге.

И не дожидаясь «Хорнблауэра».

– Кармонди это не понравится, – заметила Па.

– Стерпит, – сказала Оксана. – Приказ самого!

– Это да, – согласилась Мичо.

Эванс откашлялся.

– Так что, выполняем?

Мичо подняла кулак – да.

– Это же Инарос, – сказала она вслух, одним этим именем приканчивая зарождающийся спор.

– Ну... бьен, – протянул Эванс так, словно сказать хотел совсем другое.

– Что не так? – спросила Па.

– Да просто это не первый раз, когда планы меняются, – морщась от беспокойства, пояснил Эванс. Grimаса ему не шла, но он был самым новым мужем, и Мичо не стала на это указывать. Миловидные мужчины порою так чувствительны...

– Продолжай, – просто сказала она.

– Ну, было то дело с деньгами и Санджрани. И с марсианским премьером, который благополучно попал на Луну, хотя за ним гонялся весь Свободный флот. И еще, как я слышал, мы пытались убить и Фреда Джонсона, и Джеймса Холдена, а оба еще дышат и разгуливают на свободе. Вот я и подумал...

– Что Марко не так непогрешим, как из себя строит? – подсказала Мичо.

Эванс ответил не сразу. Мичо уж решила, что и не ответит.

– Примерно так, – наконец заговорил Эванс. – Только об этом даже думать небезопасно, а?

– Примерно так, – признала Мичо.

Глава 2. ФИЛИП

Больше всех на свете он ненавидел Джеймса Холдена.

Миротворца Холдена, ни разу не восстановившего мира. Поборника справедливости Холдена, никогда ничем не пожертвовавшего справедливости. Джеймса Холдена, смешавшего в одну команду марсиан с астерами – с *одним* астером – и разгуливающего по системе с таким видом, будто он от этого стал лучше других. Нейтрала, стоявшего над схваткой, пока ресурсы внутренних планет выбрасывались на новые тринадцать сотен миров, оставляя астеров на смерть. И, вопреки всем расчетам, не погибшего с «Четземокой».

От Холдена ненамного отставал Фред Джонсон – прижившийся в Поясе землянин, вздумавший говорить от имени астеров. Палач станции Андерсон, сделавший карьеру на убийстве невинных астеров и продолжавший ее, выводя людей на смертельную для них и их культуры орбиту. Этим Джонсон заслужил ненависть и презрение. Но мать Филипа привел к гибели не сам Джонсон, поэт тому Холден – Джеймс *пинче*^[1] Холден – заслужил первый приз.

Не один месяц прошел с тех пор, как Филип разбил кулаки о внутренний люк шлюза, за которым его свихнувшаяся на культе Джонсона мать готовилась выбросить в вакуум себя и Сина. Глупые потери. Ненужные. Он уверял себя, что потому они и причиняют такую боль. Потому что ей незачем было умирать, а она все же выбрала смерть. Он разбил кулаки, пытаясь ее остановить, но ничего не добился. Наоми Нагата предпочла злую смерть в пустоте жизни со своим настоящим народом. Что и доказывало, какую власть забрал над ней Холден. Как глубоко он промыл ей мозги, и как слаба духом была она с самого начала.

Он никому на «Пелле» не признавался, что каждую ночь видит это во сне: запертый люк, уверенность, что за ним скрыто что-то бесценное, – что-то важное, – и жестокое чувство потери от того, что открыть люк невозможно. Знай они, как его это преследует, сочли бы слабаком, а отец не нуждался в людях, не способных делать свое дело. Даже если это его сын. Либо Филип – настоящий астер в Свободном флоте, либо найди себе место на станции и сиди там, как мальчишка. Ему скоро исполнится семнадцать: он уже участвовал в уничтожении

землян-угнетателей. Детство осталось в прошлом.

* * *

Станция «Паллада» была из старейших в Поясе. Здесь открывали первые рудники и первые плавильные фабрики. За ними подтянулась и другая промышленность, сложилась индустриальная база. Тем более что использовать устаревшие, не сданные в переплавку дробилки и центрифуги было проще. Привычнее. Палладу так и не раскрутили. Силу тяжести на ней обеспечивала только природная микрогравитация ее массы – два процента земной, полной g . Чуть больше постоянной направляющей дрейфа. Станция раскачивалась вверх-вниз от плоскости эклиптики, словно норовила вытолкнуться из Солнечной системы. Церера и Веста были и больше, и многочисленней, но металл для корабельной обшивки и реакторов, для станций и грузовых контейнеров, для орудий, которыми ошетинились корабли Свободного флота, и для снарядов шел отсюда. Если Ганимед был хлебной житницей Пояса, то Паллада – его кузницей.

Понятно, что Свободный флот в своих странствиях по освобожденной системе не мог миновать станцию с такими ресурсами.

– С'йахаминда, кве? – окликнул капитан порта, vyplывая с широкой стороны зала собраний. Зал был астерский: ни столов, ни стульев. Его архитектура почти не делала различий между верхом и низом. Филипу, который долго прожил на кораблях, под гравитацией ускорения, здесь было удобно, как дома. Марсианские проектировщики никогда не добьются такого аутентичного эффекта.

То же относилось и к капитану порта. Долговязый – таких длинных костей не найдешь даже у тех, кто провел детство при низкой и непостоянной силе тяжести. И голова относительно тела больше, чем у Филипа, Марко и Карала. На глазу слепое бельмо: даже фармацевтический коктейль, дающий человеку возможность существовать в невесомости, не спас глазных капилляров. Такому человеку не выжить на планете, даже совсем недолго не продержаться. Дальний конец спектра астерской физиологии. Именно таких призван был защищать и представлять Свободный флот.

И, наверное, именно поэтому он находился в таком смятении, словно его предали.

– А что такое? – Марко пожал ладонями так, словно не видел ничего особенного в просьбе выбросить в космос содержимое складов.

Филип, подражая отцу, вздернул бровь. Карал молча нахмурился, стиснув подлокотник.

– Пер эс эса миндан хой, – отозвался капитан.

– Знаю, что это все, что есть, – ответил Марко. – В том-то и дело. Пока все это здесь, Паллада постоянно будет под прицелом внутряков. Загрузите все в контейнеры и выстрелите ими так, чтобы только мы знали траектории. Мы, когда понадобится, вычислим, где они, и подберем. Так мы мало что выдернем станцию у них из рук – еще и покажем, что здесь пусто, пока они и рук протянуть не успели.

– Пер миндан... – Капитан порта расстроено заморгал.

– Вам за все заплатят, – вмешался Филип. – Под расписку Свободного флота.

– Хорошо, да, – отозвался капитан, – абер^[2]...

Он заморгал вдвое чаще и взглянул мимо Марко, словно адмирал первой боевой единицы астеров плавал на полметра левее. И облизнул губы.

– Абер?... – передразнил его акцент Марко.

– Расчет вращения треба нойе ганга, а?

– Если понадобятся новые детали, покупай новые. – В голосе Марко прорезался опасный звон.

– Абер... – Капитан порта сглотнул.

– Но вы привыкли закупать их у Земли, – подсказал Марко, – а теперь наши деньги там не в ходу.

Капитан поднял кулак, соглашаясь.

Марко мягко, открыто улыбнулся ему. Сочувственно улыбнулся.

– Там ничьи деньги не в ходу. Отныне. Теперь покупайте у астеров. Только у астеров.

– У астеров не то качество, – проскулил капитан.

– Наши – лучшего качества, – отрезал Марко. – История не стоит на месте, друг мой. Постарайся от нее не отстать. И пакуй все, что есть, для выброса, са-са?

Встретившись с Марко взглядом, капитан порта согласно поднял кулак. А что ему оставалось? Когда все пушки у Марко, самая вежливая его просьба – все равно приказ. Марко толкнулся, слабая

гравитация Паллады искривила траекторию его тела. Он остановил себя, зацепившись за скобу рядом с капитаном, – и обнял того. Капитан порта на объятия не ответил. Он затаил дыхание, как будто столкнулся с опасным зверем, который, если не шевелиться, может быть, пройдет мимо.

Переходы и коридоры, ведущие от кабинета капитана к докам, были залатаны древними керамическими пластинами и более новой карбосиликатной пленкой. «Кружевная пленка» – ее производство наладили после того, как протомолекула продвинула химиков на поколения вперед, – отливала радугой, как бензин на воде. Считалось, что она прочнее керамики и титана, тверже и гибче. Сколько она продержится, никто пока не знал, хотя, если верить донесениям с иных миров, вполне могла оказаться на порядок долговечнее создавших ее людей. Если только те правильно ее изготовили. Трудно сказать.

Челнок Паллады уже ждал их. Бастьен пристегнулся в кресле пилота.

– Бист бьен?^[3] – обратился он к Марко, когда тот загерметизировал люк.

– На лучшее я и не надеялся, – ответил тот, оглядывая тесную кабину. Шесть амортизаторов, не считая пилотского поста Бастьена. Карал пристегнулся в одном, Филип – в другом. Но сам Марко еще плавал над полом, рассыпав волосы по плечам. Он вопросительно вздернул подбородок.

– Розенфелд уже на месте, – ответил ему Бастьен. – Три часа как ждет на «Пелле».

– Да что ты? – Наверное, один Филип расслышал жесткую нотку в голосе Марко. Тот скользнул в амортизатор, защелкнул ремни. – Хорошо. Присоединимся к нему.

Бастьен сверился с системой управления портом – скорее по привычке, чем по необходимости. Челнок Марко, капитана «Пеллы» и адмирала Свободного флота, всюду проходил вне очереди. Но Бастьен все же проверил допуск на взлет и еще раз прошелся по контролю герметичности и среды – пожалуй, в десятый раз. Для всякого выросшего в Поясе проверка воздуха, воды и прокладок была естественной, как дыхание. Гены, не обеспечивавшие такой привычки, быстро уходили из генного пула.

Тела потяжелели, когда челнок отчалил. Потом зашипели шарниры разворачивающихся амортизаторов – Бастьен запустил маневровые. Они не набрали и четверти *g*, но и того хватило, чтобы в считанные минуты добраться до «Пеллы». Прошли шлюз – тот самый, что выбрала для самоубийства Наоми, – и всплыли в привычный воздух «Пеллы».

Розенфелд Гаолян их уже ждал.

Всю жизнь, сколько Филип себя помнил, Пояс означал для него Альянс Внешних Планет, а АВП – самых главных людей. Свой народ. Только повзрослев настолько, чтобы присутствовать при разговорах отца с другими взрослыми, он начал понимать, что АВП глубже и богаче оттенками. Тогда он заменил слово народ на «альянс». Не республика, не объединенные нации и не народ. Альянс. АВП был огромным котлом, в котором складывались, распадалась и снова складывались различные группы, кое-как сходящиеся лишь в том, что при всех разногласиях они едины в борьбе с игом внутренних планет. Под флагом АВП существовали разные крупные объединения: станция Тихо под Фредом Джонсоном и Церера под Андерсоном Доузом, каждый со своей милицией; провокаторы-идеологи группы Вольтер; явный криминал Золотой Ветви; отказавшиеся от применения силы попутчики Марртутвы Кулу. На каждую из крупных приходились десятки, если не сотни организаций и ассоциаций поменьше, тайных обществ и взаимовыгодных сообществ. Вместе их свели экономические и военные репрессии со стороны Земли и Марса.

Свободный флот не принадлежал и не собирался принадлежать к АВП. Свободный флот был твердыней нового порядка, сплоченной силой, не зависящей от наличия врага. Он сулил будущее, в котором прежние ярмо не только сбросят с плеч, но и разобьют.

Что не означало, будто флот свободен от прошлого.

Розенфелд был мелким человечком, даже во флоте умудрившимся остаться разболтанным. Темная, в странных пупырышках кожа, глубоко посаженные глаза. Он носил татуировки с рассеченным кругом АВП и острой, как клинок, V группы Вольтера, легко и светло улыбался и не скрывал постоянной готовности к насилию. Ради него отец Филипа явился на Палладу.

– Марко Инарос, – заговорил, раскрывая объятия, Розенфелд. – Ты

смотри, что наделал, койо мис!

Марко бросился на грудь Розенфелду, раскрутился вместе с ним. Оттолкнувшись, оба замедлили вращение. Если Марко питал к Розенфелду недоверие, оно ушло. Нет, не ушло, а перешло к Филипу и Каралу, позволив Марко выразить незамутненную радость встречи.

– Хорошо выглядишь, дружище, – начал Марко.

– Врешь, – отозвался Розенфелд, – но я ценю комплимент.

– Помощь в доставке твоих людей нужна?

– Уже на месте, – сказал Розенфелд, и Филип, покосившись на Карала, заметил, как тот чуть скривил губы. Да, Розенфелд – друг, союзник из внутреннего круга Свободного флота, но это не значит, что ему позволительно без ведома Марко переводить на корабль личную охрану. Что ни говори, «Пелла» – флагман Свободного флота, а соблазн есть соблазн. Марко с Розенфелдом дружно протянули руки, остановив совместное вращение, зацепившись за ручки шкафчика, и, по-прежнему рука об руку, вытолкнулись во внутренний коридор. Филип с Каралом последовали за начальством.

– К Церере погоним во весь дух, иначе не успеть на встречу, – заметил Марко.

– Сам виноват. Я обошелся бы своим кораблем.

– Твой не вооружен.

– Ты всю жизнь обходился прыгунами.

Даже сзади, видя только отцовский затылок, Филип различил в голосе Марко улыбку.

– Это прежде была вся наша жизнь. Теперь играем по-другому. Высшему командованию нельзя без охраны. Даже здесь не все с нами. Пока – не все.

Они добрались до лифта, двигавшегося вдоль корабля, обогнули его и поплыли головами вперед к жилым палубам. Карал оглянулся на командную и боевую рубки, словно проверяя, нет ли за ними охраны Розенфелда.

– Чего мне ждать? – говорил Розенфелд. – Хороший солдатик, ми. Жаль, что Джонсон со Смитом добрались до Луны. Одно попадание из трех?

– Земля была важнее, – ответил Марко. Впереди появилась Сарта, проплыла мимо в сторону рубки, кивнула, разминувшись. – Земля

всегда была главной целью.

– Ну, генеральный секретарь Гао отправилась к своим богам и, надеюсь, визжала, умирая. – Розенфелд изобразил плевков. – Но эта Авасарала, что заняла ее место...

– Из чиновников, – процедил Марко, подтягиваясь за поворот, в столовую команды. Привинченные к полу столы и лавки, запах марсианской армейской еды, раскраска в цветах вражеского знамени. Все это плохо совмещалось с занимавшими помещением людьми. Мужчины и женщины – сплошь астеры, но даже среди них Филип отличал сослуживцев из Свободного флота от охраны Розенфелда. Своих от не своих. Как ни изображай единство, все сознавали разницу. Всего здесь насчитывалась дюжина человек, одна смена. По человеку из команды «Пеллы» на каждого из розенфелдовских, так что не одному Каралу пришло в голову, что некоторая осторожность между друзьями не помешает.

Кто-то из охранников бросил Розенфелду грушу. Неизвестно, с чаем, виски или с водой. Розенфелд поймал, не прерывая разговора.

– Похоже, эта чиновница умеет ненавидеть. Думаешь, с ней справишься? Без обид, койо, но есть у тебя такая слабость – недооценивать женщин.

Марко застыл. При виде этой неподвижности Филип ощутил во рту вкус меди. Карал тихо крикнул, и, оглянувшись на него, Филип отметил выставленный вперед подбородок, незаметно сжатые кулаки.

Розенфелд устроился у стены, лицо его изображало примирительное сочувствие.

– Но об этом, пожалуй, здесь говорить не место. Прости, что задел по больному.

– Ничего у меня не болит, – ответил Марко. – Все это переживаем на Церере.

– Собрание племен, – усмехнулся Розенфелд. – Жду не дождусь. Дальнейшее будет любопытно.

– Будет, – согласился Марко. – Карал подберет тебе и твоим подходящие каюты. Держитесь в них. Разгон будет быстрый.

– Слушаюсь, адмирал.

Марко вытолкнулся из столовой, поплыл к мастерской и машинному залу, так и не встретившись глазами с Филипом.